

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:

события, оценки, прогнозы

ISSN 2587-7518

Выпуск 49(65)
2018

СОДЕРЖАНИЕ

**ИНОСТРАННЫЕ БОЕВИКИ-ТЕРРОРИСТЫ:
ОНИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ**

Ольга Новикова

**ИРАНСКИЙ УЗЕЛ: СОХРАНИТ ЛИ ЕВРОПА
ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ КОД?**

Татьяна Арзаманова

**ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ
ЗАПАДА И РФ: АРКТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

Филипп Трунов

**СОГЛАШЕНИЕ О ВСЕСТОРОННЕМ
И РАСШИРЕННОМ ПАРТНЕРСТВЕ
МЕЖДУ АРМЕНИЕЙ И ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ:
ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ МОСКВЫ
ИЛИ «ДРЕЙФ» ЕРЕВАНА В СТОРОНУ
ЕВРО-АТЛАНТИКИ**

Арсен Гукасов

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИНИОН РАН)

ИНОСТРАННЫЕ БОЕВИКИ-ТЕРРОРИСТЫ: ОНИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Ольга Новикова,

заведующая Отделом Европы и Америки ИНИОН РАН

Ключевые слова: иностранные боевики-террористы; ИГИЛ; программы реабилитации.

Проблема «иностранных боевиков-террористов» (ИБТ) не будет сходить с повестки дня служб безопасности европейских государств долгие годы. Стало очевидно, что ИГИЛ будет продолжать существовать, хотя и не как организация, а в виде террористических сетей, ячеек. Иностранные боевики после военного разгрома организации в Сирии и Ираке перемещаются в другие зоны конфликтов или возвращаются в страны постоянного проживания. Всего иностранных боевиков европейского происхождения – около 5000 человек. Из них на четыре страны – Францию, Великобританию, Германию и Бельгию – приходится 3700 человек¹. Борьба с ИБТ усложняется тем, что среди них есть женщины и люди с криминальным прошлым. Кроме того, появились подражатели, после военного поражения «Исламского государства» активизировалась «Аль-Каида». В связи с появлением «возвращенцев» возросло количество случаев радикализации европейской молодежи под их влиянием.

Угрозы, исходящие в настоящее время от ИБТ, можно разделить на четыре категории.

Во-первых, угрозу представляют граждане Европы, все еще направляющиеся в Сирию и Ирак. Находясь в зонах конфликтов, они радикализируются, подпадая под влияние окружающей обстановки, приобретают навыки, которые могут помочь им осуществить при возвращении в Европу профессионально подготовленные террористические акты. Кроме того, поток добровольцев из Европы, хотя сейчас изрядно уменьшившийся, способствует усилению в военном отношении выживших групп «Исламского государства», повышает боевой дух джихадистов.

Во-вторых, это боевики, возвращающиеся из зон конфликтов. Эта угроза становится все более актуальной. Европейские службы безопасности ожидают до 2000 «возвращенцев» (returnees). Хорошо обученные, с боевым опытом джихадисты способны осуществлять «успешные» террористические акты. Часть из них может организовывать финансовую и логистическую поддержку законспирированных ячеек, войти в их руководство. Они могут заниматься рекрутированием новых бойцов, оказывать помощь в переправке их за границу. Кто-то из боевиков возвращается после кратковременного пребывания в зонах конфликта. Даже если они деморализованы сейчас и физически измождены, позже они могут вновь вдохновиться идеями халифата, обвинить во всем внешние силы, что их может подтолкнуть к осуществле-

нию террористических актов. Среди «возвращенцев» есть и такие, кто, увидев ужасающий уровень насилия и не будучи ветеранами других вооруженных конфликтов и гражданских войн, разочарован и находится в неустойчивом психическом состоянии, что делает таких людей опасными для окружающих их мирных жителей Европы. «Возвращенцы» организуют ячейки, нападения, подстрекая сочувствующих, остающихся дома из-за отсутствия возможности или нехватки мужества, совершать террористические акции в стране проживания. Эти «возвращенцы» дают практические советы по организации терактов, объясняют необходимость присяги на верность существующему на данный момент халифу.

В-третьих, кроме «возвращенцев» угрозу представляют и «перемещающиеся боевики» (relocators). Эти последние воевали в халифате в период интенсивных боевых действий, привыкли к насилию, приблизительно 10% из них – ветераны боевых действий на территориях других государств². Въезд в страны своего гражданства для них чаще всего закрыт: они в санкционных списках. Именно эти люди направляются в другие зоны конфликтов, например, в Ливию, Йемен, в Западную Африку, Афганистан. В настоящее время в Афганистане насчитывается около 6000 боевиков «Исламского государства». Причем данная цифра постоянно меняется ввиду гибели части боевиков и набора новых членов. Нередко наблюдается вооруженное противостояние между отрядами ИГ и талибами в борьбе за ресурсы, которые поступают от наркопроизводства и наркоторговли. В то же время надо отметить, что на данном этапе боевики местного ИГ воздерживаются от столкновений с армией и полицией, а также от каких-либо насильственных действий в отношении местных жителей и чиновников. Такое поведение обеспечивает сторонникам «Исламского государства» поддержку населения, напоминая начальный период сирийского сценария. «Исламское государство» постепенно набирает обороты в ИРА, делая упор на расширение своих рядов и агитационно-пропагандистскую работу. Текущими задачами организации в ИРА являются распространение идей ИГ в провинциях, вербовка новых членов и обеспечение беспрепятственного проникновения на территорию Афганистана иностранных боевиков-террористов.

Среди «перемещающихся боевиков» есть те, которые уезжали из зоны боевых действий по распоряжению руководителей ИГИЛ. Они направлялись для организа-

¹ Neumann P.R. After the Fall of Daesh in Syria and Iraq: Implications for Radicalisation and Counter-Radicalisation King's College. London. – Mode of access: <http://www.europarl.europa.eu/cmsdata/142481/TERR%20-%20Peter%20R.%20Neumann.pdf>

² Dodwell B., Milton D., Rassler D. The Caliphate's global workforce: An Inside look at the Islamic State's Foreign fighter paper trail. Combating terrorism center at West Point. United States Military Academy. April 2016. – Mode of access: <https://ctc.usma.edu/the-caliphates-global-workforce-an-inside-look-at-the-islamic-states-foreign-fighter-paper-trail/>

ции террористических ячеек. Перед этим они проходили семимесячную подготовку по проведению террористических нападений за границы. В 2017 г. в Ираке был обнаружен список из 173 членов ИГИЛ, готовых стать смертниками.

Надо учитывать, что есть иностранные боевики-террористы, которые непосредственно участвовали в боевых действиях на стороне ИГИЛ, но есть и те, кто не сумел добраться до зоны боевых действий и был арестован, а также те, кто хотел бы поехать, но по разным причинам остался дома. И они тоже представляют опасность, так как готовы доказать свою преданность идеалам ИГИЛ дома и совершать здесь теракты.

В-четвертых, существует угроза, связанная с влиянием самого феномена ИБ на целостность социальной ткани европейских стран. Речь идет о росте праворадикальных, антиисламских и антимигрантских настроений в европейских обществах. Проблема усугубляется в связи с продолжающимся передвижением потоков мигрантов по территории Европы, среди которых легко затеряться иностранным боевикам. Всё это рождает опасения среди населения европейских государств и приводит к поляризации общества, росту антагонизма между левыми и правыми, мусульман и христиан. Увеличивается влияние правых партий.

Возникает вопрос, как быть с «возвращенцами», покинувшими зоны боевых действий.

В отношении возвратившихся иностранных боевиков приходится применять репрессивные методы. Однако надо понимать, что тюремное заключение иностранных боевиков – не самое лучшее средство борьбы с ними и имеет целый ряд отрицательных сторон. В тюрьмах боевики вербуют других заключенных. Среди заключенных есть молодые люди 16–29 лет. Период радикализации таких индивидов бывает очень коротким, иногда для этого достаточно нескольких недель, т.е. это – идеологически несформированные личности, поэтому в тюрьмах они легко попадают под влияние радикальных исламистов.

Иностранные боевики-террористы могут и из тюрем осуществлять поддержку экстремистских групп и пользоваться их поддержкой. В тюрьме они могут вести подготовку к терактам, которые планируют осуществить после освобождения. В тюрьмах растет их враждебность к другим группам заключенных и к тюремному персоналу. Кроме того, пребывание в тюрьме рождает озлобление. Все эти факторы способствуют радикализации заключенных боевиков¹.

Среди экспертов нет единого мнения по поводу того, как избежать этого. Размещать ли их в обычных тюрьмах, рассредоточивая между другими заключенными? В этом случае бывшие боевики не будут чувствовать себя маргинализированными, на них могут благотворно воздействовать другие узники, не разделяющие экстремистских взглядов. С другой стороны, они сами могут содействовать радикализации других заключенных, могут вступить в контакт с криминальным сообществом. А эти риски требуют подключения к работе специально обученного тюремного персонала, способного выявлять негативные влияния. А таких сотрудников нет в обычных тюрьмах.

Другой вариант – помещать всех обвиняемых в экстремизме насильственного характера вместе. С ними можно будет проводить занятия группового характера, направленные на дерадикализацию. При таком размещении у заключенных не будет возможности влиять на других узников, не затронутых идеями исламизма. Однако такое размещение узников таит в себе много опасностей. Например, могут создаваться и укрепляться контакты между узниками-экстремистами, что будет способствовать их сплоченности, а это может создать новые риски при их выходе на свободу. К тому же, находясь вместе, они могут планировать будущие теракты. Сплоченная группа заключенных-террористов может осуществить нападение на персонал тюрьмы. Содержание боевиков в отдельном крыле тюрьмы одними заключенными может быть воспринято как дискриминация, другими – как фактор, повышающий их статус как экстремистов. В силу того что данный контингент заключенных представляет повышенную опасность, они содержатся в большей изоляции, чем обычные заключенные. А это может создать трудности при их дальнейшей социализации на свободе. Кроме того, особые условия содержания экстремистов – дорогостоящее предприятие.

Учитывая опасность дальнейшей радикализации мусульман, необходимо «жесткие» репрессивные действия сочетать с «мягкими» подходом, который направлен на дерадикализацию боевиков, заставляя их отказаться от идеи джихада. Программы реабилитации, являясь неотъемлемой и важнейшей частью подхода к проблеме иностранных боевиков-террористов, базируются на анализе разнообразных мотиваций ИБТ, который позволяет сформировать эффективную стратегию противостоения этой террористической угрозе. Наиболее восприимчивыми к психологическому воздействию в ходе осуществления программ реабилитации могут быть те боевики, мировоззрение которых не полностью сформировано, а также те, кто был разочарован в ходе своего пребывания в конфликтных зонах, а кроме того, те, чьи мотивации были связаны с материальной заинтересованностью или поисками приключений. В реабилитации нуждаются психически травмированные боевики, а также заключенные, находящиеся под угрозой радикализации под влиянием убежденных исламистов. Особое отношение должно быть к несовершеннолетним боевикам, все большее число которых покидает сейчас зоны конфликта. Нельзя забывать, что они обрели трагической жизненный опыт в период формирования их психики. Они были свидетелями сцен крайней жестокости, процесс их радикализации происходил на войне. Во время работы с такими боевиками необходимо включать все механизмы правовой защиты, действующие в отношении несовершеннолетних.

В связи с тем, что преступные деяния боевиков в зонах конфликтов труднооказуемы, программы реабилитации могут служить прагматической альтернативой в отношении тех, дела которых не удалось довести до судебного разбирательства. Программы реабилитации способствуют росту доверия, дают индивиду второй шанс, ограничивают возможность дальнейшей радикализации. Боевики, прошедшие курс реабилитации, могут

¹ Dealing with radicalization in a prison and probation context RAN P&P – Practitioners working paper. – Mode of access: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/networks/radicalisation_awareness_network/ran-news/docs/ran_p_and_p_practitioners_working_paper_en.pdf

положительным образом повлиять на экстремистов, и помогут им покинуть преступную среду и выйти из террористических сетей¹.

Поскольку мотивы вовлечения в террористическую деятельность у иностранных боевиков разные, различными должны быть и подходы к их реабилитации, учитывающие религиозные, социальные, профессиональные и психологические факторы.

Конечно, для успешности программ реабилитации большое значение имеет фактор доброй воли. Ситуация, когда бывший иностранный боевик сам хочет измениться, предпочтительна. Но это не значит, что невозможно включать в реабилитационные программы убежденных исламистов. Отдельные меры можно использовать даже на стадии тюремного заключения. Например, дополнительные посещения родственников, некоторые развлечения. Для части бывших боевиков предусмотрена возможность и временного прекращения принятия административных мер в их отношении. В осуществлении программ могут участвовать такие правительственные организации, как муниципалитеты, полиция, тюремные власти, службы, ведущие наблюдение за условно осужденными, психологи, социальные работники, религиозные деятели. Важнейшая роль отводится ближайшему окружению бывших иностранных боевиков – членам семей и друзьям. Именно семьи могут воспрепятствовать возможным попыткам боевика вновь встать на путь терроризма.

Многое зависит от того, на каком этапе и как должны реализовываться программы реабилитации. Они могут применяться как альтернатива уголовному преследованию, как необходимая составляющая для условного осуждения, как условие для освобождения из-под стражи при предварительном заключении, как требование при отбывании наказания, условном или досрочном освобождении. При этом надо четко представлять задачи программ реабилитации. Нацелены ли они на то, чтобы дерадикализовать потенциального иностранного боевика или «возвращенца», т.е. заставить его отказаться от своих убеждений фундаменталистского характера? Или задача программы заключается в том, чтобы побудить боевика отказаться от применения насилия и от экстремистских действий? А может быть, основная задача, особенно в отношении разочарованного «возвращенца», – это обеспечение условий для его успешной реинтеграции в общество? Возможно, программа должна быть заточена на предоставление боевикам психологической, посттравматической помощи? Очевидно, что ответ на эти вопросы может быть только такой: каждый случай должен рассматриваться в индивидуальном порядке. И каждая европейская страна расставляет свои акценты при создании и реализации своих программ борьбы с этим видом террористической угрозы.

¹ Entenmann E. van der Heide L., Weggemans D., Dorsey J. Rehabilitation for foreign fighters? Relevance, challenges and opportunities for the criminal justice sector. ICCT Policy Brief, December 2015. – Mode of access: <https://www.icct.nl/wp-content/uploads/2016/01/ICCT-Entenmann-Heide-Weggemans-Dorsey-Rehabilitation-for-Foreign-Fighters-December2015.pdf>

ИРАНСКИЙ УЗЕЛ: СОХРАНИТ ЛИ ЕВРОПА ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ КОД?

Татьяна Арзаманова,

сотрудник Отдела проблем европейской безопасности ИНИОН РАН

Ключевые слова: Соглашение по ядерной программе Ирана; европейская безопасность; трансатлантическое партнерство; Германия; Франция; торговый конфликт между ЕС и США; глобальное лидерство.

8 мая 2018 г. Д. Трамп анонсировал выход США из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД), или так называемого Ядерного соглашения по Ирану¹, которое было подписано в июне 2015 г. после десятилетних изматывающих переговоров. Согласно этому документу, Иран брал на себя обязательство вывезти за пределы территории страны 98% обогащенного урана (хранить у себя можно было не более 300 кг), снизить с 20 до 5 тысяч общее число центрифуг для обогащения, не производить используемый для создания ядерного заряда обогащенный уран и обеспечить беспрепятственный мониторинг инспекторов Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Со своей стороны, США и Европейский союз частично сняли санкции с Ирана, предоставив ему возможность продавать свою нефть на международном рынке и пользоваться глобальной финансовой системой. Также были разблокированы счета иранского правительства в зарубежных банках на сумму свыше 100 млрд долл.

Говоря о выходе Соединенных Штатов из СВПД, американский президент в очередной раз обвинил Тегеран в стремлении к продолжению своей ядерной программы и назвал его главным спонсором терроризма. Д. Трампа категорически не устраивает тот факт, что программа создания баллистических ракет-носителей разнесена с ядерной и поэтому не подпадает под действие данного соглашения. Также Белый дом против ограничения срока действия соглашения 2015 годом и требует в принципе отменить предельные сроки ограничения на проведение Тегераном исследований в рамках ядерной программы. Речь идет не только о прекращении ракетной баллистической программы, но также о сокращении региональной активности Ирана на Ближнем и Среднем Востоке (поддержка Хизболлы в Ливане, повстанцев-хуситов в Йемене, режима Б. Асада в Сирии и значительное расширение своего присутствия в Ираке). При этом Д. Трамп исходит из твердого убеждения, что соглашение с Ираном на деле не решает никаких проблем и не является сдерживающим моментом для дестабилизации последним всего региона, и в этом состоит принципиальное расхождение по иранскому вопросу с его европейскими коллегами. У европейских политиков и дипломатов изначально не было никаких иллюзий относительно намерений иранского режима. Собственно говоря, присутствовало четкое понимание того, что ядерное соглашение – это инструмент не для разрушения, а для замедления ядерной программы Исламской Республики.

Д. Трамп также заявил о наличии «несомненных доказательств» того, что власти Исламской Республики нарушают условия соглашения и продолжают разработку ядерной программы. Администрация Белого дома рассчитывает путем ограничения нефтяных активов и ослабления экономики Ирана заставить последний существенно снизить его политическую активность по всем направлениям. Если европейские компании будут соблюдать требование Минфина США, это вызовет шоковые последствия для иранской экономики. За политическими причинами можно усмотреть и дополнительную финансовую подоплеку, – протекционистские действия правительства США по защите своего рынка.

Через два дня после выхода США из соглашения были введены санкции в отношении нефтяного и банковского сектора Ирана и его торговых операций. Так же при посредничестве Объединённых Арабских Эмиратов планируется прервать финансирование Корпуса стражей Исламской Революции.

Д. Трамп настроен крайне решительно, в том числе и по отношению к европейским союзникам, в этом нет сомнений. Американская администрация рассчитывает одним махом убить двух зайцев, уязвляя вопрос соблюдения санкций и давления на Иран с торговыми спорами между США и Европой. Посол США в Германии Ричард Гренель высказал на страницах «Нью-Йорк Таймс»² предположение, что недавно введенные американские пошлины на импорт алюминия и стали могли бы быть отменены для европейских союзников, в случае если последние поддержат позицию Д. Трампа по иранскому вопросу. Это – наглядная демонстрация озвученного еще в рамках предвыборной компании нового изоляционистского курса США. Упомянутые пошлины были введены 8 марта 2018 г., их размер составляет 25% на ввоз изделий из стали и 10% – из алюминия. Американский президент написал в своем твиттере, что данные мероприятия предпринимаются для защиты американской сталелитейной и алюминиевой индустрии от «несправедливых действий ЕС», и подчеркнул, что на протяжении долгих лет США «несладко эксплуатировались» некоторыми странами (в том числе была упомянута Германия, особый акцент был сделан на низких оборонных расходах страны). Решение о введении Соединенными Штатами пошлин на сталь и алюминий вступило в силу 1 июня 2018 г. Накануне официальный представитель германского правительства Ш. Зайберт сделал следующее заявление: «Правительство ФРГ отвергает введение Соединенными Штатами пошлины на сталь и алюминий. Мы считаем эти меры несправедливыми, приведенный аргумент – необходимость защиты национальной безопасности – неубедительным... Федеральное правительство будет и далее защищать свободу торговли

¹ Гарантами этой так называемой ядерной сделки являются США, РФ, Германия, Франция, Великобритания и Китай.

² The New York Times, May 11, 2018.

и открытые рынки и продолжит делать ставку на многосторонний подход в решении проблем»¹. А. Меркель также подчеркнула свою уверенность в том, что пошлины противоречат правилам ВТО и добавила, что ответ со стороны ЕС на этот шаг американской администрации будет «единым и решительным» (предположительно, в качестве ответного шага ЕС может ввести 25% пошлины на американские товары).

На самом деле можно говорить о том, что так называемая ядерная сделка с Ираном – это гораздо больше, нежели обычное соглашение, это своего рода памятник эпохи классической дипломатии. Последняя попытка путем коллективных усилий удержать балансирующий на краю пропасти регион от глобальной катастрофы на Ближнем и Среднем Востоке. Мир снова возвращается от спектра угроз в сфере кибербезопасности и так называемой soft-security к угрозе прямого противостояния в духе двух мировых войн. Основной характеристикой современного состояния международных отношений стала непредсказуемость. Непредсказуемость поступков и высказываний крупных игроков и умножение не только угроз, но и акторов мировой политики. Феномен ультиматума стал постоянной переменной. Мы наблюдаем изменение структуры вызовов, изменение спектра рисков; мелких игроков сложнее контролировать. Возникла угроза опосредованной войны – не прямого столкновения противников, а противостояния на территории третьей стороны (прежде всего, это конфликт в Украине, сирийский ВД, ближневосточный плацдарм – Ливан и Палестинская автономия).

Выход США из соглашения – это конец эпохи коллективной дипломатии как идеи послевоенного миропорядка в Европе в целом. Хотя в разные моменты ее наполнение трансформировалось от чисто номинального до вполне функционального, тем не менее ее ценность не подвергалась сомнению. Своим решением Д. Трамп одним махом превратил иллюзию мирового порядка в мировой беспорядок. В мифологии многих народов мира в архаическую эпоху встречается понятие «ось мира» (axis mundi) – воображаемая небесная ось, связывающая небо и землю, обозначающая наивысшую точку мира, соответственно, территория вокруг такой оси считалась наделенной божественной благодатью в большей степени. Внешняя политика и политика безопасности США при администрации Д. Трампа смешаются с традиционным для страны мессианского менталитета (глобальная ответственность) в сторону самоощущения своего рода ментальной «оси мира» (мы лучше знаем как надо, и это не обсуждается).

Решение о выходе Соединенных Штатов из ядерного соглашения оказалось серьезным испытанием для трансатлантической солидарности. То, что долго оставалось фигурами речи европейских политиков и находило отражение в бумажных конструкциях, невольно потребовало реализации в жизнь. Обстоятельства этого выхода ставят новый, глобальный вопрос мировой внешней политики и миропорядка в целом: каким образом было бы правильно реагировать на давление и односторонние действия ультимативного характера со стороны ближайшего союзника? И скатится ли мир в конечном итоге к гоббсовской «войне всех против всех»? Это – своеобразный экзамен на зрелость для ЕС в целом

и проверка на прочность для германского канцлера, сумеет ли она сохранить континентальное политическое лидерство Германии в свой, скорее всего, заключительный легислатурный период. В финансовом отношении Германия больше других партнеров по соглашению заинтересована в стабилизации ситуации вокруг Ирана, доля германских инвестиций на иранском рынке составляет 60% от общего вклада ЕС. 10 мая 2018 г. после встречи со своим российским коллегой С. Лавровым министр иностранных дел ФРГ Хайко Маас сообщил прессе, что в Германии «едины во мнении, что нужно искать пути сохранения Иранского соглашения»² и призвал к продолжению диалога с Тегераном по этому вопросу. Х. Маас подчеркнул, что ЕС намерен соблюдать соглашение с Ираном, а также отметил, что создавшаяся ситуация непосредственно затронула интересы безопасности Германии и континента в целом, и приоритетной задачей для всех сейчас является предотвращение развития событий по неконструлируемому сценарию. Глава германского внешнеполитического ведомства особо отметил, что считает необходимым рассматривать по отдельности проблему ядерного соглашения и роль Ирана в эскалации ситуации в регионе.

А. Меркель также назвала соглашение неидеальным, однако подчеркнула, что односторонние действия США ведут к «разрушению доверия». В своей речи на церемонии вручения президенту Франции Э. Макрону международной премии им. Карла Великого 10 мая 2018 г. федеральный канцлер сделала знаковое заявление: «Прошли времена, когда США просто защищали нас. Европа должна взять собственную судьбу в свои руки. В этом заключается наша задача на будущее». Образно говоря, это выступление можно считать практически «Мюнхенской речью» А. Меркель: коренным образом изменилась ментальная доминанта всей послевоенной европейской истории – исчезла непреложность трансатлантического сотрудничества и сама идея обязательности трансатлантической солидарности была поставлена под сомнение.

Вернется ли Европа в зону своей ответственности? Сколько бы европейские политики ни говорили о том, что связь Европы и США крепка как никогда, решение о выходе Соединенных Штатов из Иранского соглашения – это решение с эффектом домино. До Трампа все действия США на мировой арене в той или иной степени и в той или иной форме являлись результатом консенсуса с европейскими союзниками. Конечно, временами европейцам, образно говоря, выкручивали руки, но тем не менее их всегда ставили в известность о планируемых знаковых шагах Вашингтона и это обсуждалось. Д. Трамп впервые за всю историю трансатлантического партнерства принял решение единолично, вообще без какой бы то ни было оглядки на союзников. И позиция американского президента в этом вопросе очень жесткая и продуманная, он неоднократно говорил о недоверии иранским властям еще во время своего предвыборной компании, более того, назвал соглашение с Ираном «худшей сделкой всех времен». Резкий шаг американской администрации идеально вписывается в новую политику Д. Трампа под лозунгом «Америка прежде всего». Очень показательно в этом отношении замечание советника американского президента по национальной безопасности Джона Болтона в отношении возможности

¹ Stellungnahme der Bundesregierung zur Zole-Entscheidung der Vereinigten Staaten von Amerika \ 31.05.2018.

² www.deutsch.rt.com.10May2018

введения Минфином США санкций против европейских компаний, которые продолжают сотрудничество с Ираном: «Надеюсь, европейцы увидят, что в конечном итоге их интерес состоит в том, чтобы согласиться с нами». Таким образом, произошло изменение самой парадигмы вызовов безопасности – впервые они рождаются внутри трансатлантической связи, а не по причине внешнего давления или размывания целостности вследствие отсутствия привычного врага, с чем уже сталкивался Североатлантический альянс. Впервые трансатлантическая связь распалась.

Верховный представитель ЕС по иностранным делам Федерика Могерини от лица Евросоюза призвала к сохранению соглашения с Ираном: «Соглашение принадлежит международному сообществу и получило одобрение Совбеза ООН». Глава Европейской комиссии Ж.-К. Юнкер заявил на полях саммита ЕС в Софии: «Мы должны сейчас действовать. Долг Еврокомиссии – защищать бизнес ЕС, поэтому мы инициируем процесс для действия закона 1996 г., который нейтрализует экстерриториальные эффекты американских санкций в ЕС»¹. Еврокомиссия предполагает защитить затронутые американскими санкциями европейские фирмы посредством активации так называемого «Блокирующего статута» (после того, как соглашение будет дополнено положением о новых санкциях США). Постановление было подготовлено еще в 1996 г., после введения Соединенными Штатами в действие санкций в отношении Ирана. Предполагается также частичное возмещение убытков пострадавшим от санкций компаниям, однако федеральный канцлер однозначно дала понять, что о полной компенсации речи быть не может. Еврокомиссия планирует, что европейские компании будут вводить переводить платежи за нефть напрямую в Центробанк Ирана, минуя посредников. Также рассматривается возможность заключения рамочного соглашения ЕС с Ираном, на базе которого могли бы финансироваться конкретные проекты.

Очевидно, что, прежде всего, это не конкретные меры по защите бизнеса, а политический сигнал американской администрации, попытка расставить приоритеты. Недаром министр иностранных дел ФРГ Х. Маас выступил в поддержку этого плана, в то время как министр финансов П. Альтмайер назвал его популистским и вообще «абсурдным».

Официальный Берлин в свою очередь после знакового выступления канцлера явно старается избежать резких шагов и заявлений во избежание обострения конфронтации с Вашингтоном. В рядах германского правительства нет единства по иранскому вопросу. Многие упрекают А. Меркель в лицемерии: ведь выступил с резкой отповедью Д. Трампу, а она не хочет прибегать к конкретным резким шагам, дабы не испортить отношения с Вашингтоном окончательно. От Меркель требуют символического шага, который ярко продемонстрировал бы политический суверенитет Европы. 16 мая 2018 г. во время своего выступления в Бундестаге А. Меркель вновь подчеркнула, что хотя соглашение с Ираном по его ядерной программе очень далеко от

идеала, однако является рабочим инструментом. Тем более что МАГАТЭ по результатам мониторинга в очередной раз подтвердило, что Исламская Республика в полном объеме выполняет все взятые на себя согласно договору обязательства. Федеральный канцлер отметила, что эскалация ситуации в Ближневосточном регионе, за которую она возложила ответственность на Тегеран, требует постоянного переговорного процесса с иранскими властями, в том числе и по вопросу ядерной программы, однако вести такой диалог было бы гораздо удобнее, опираясь на действующее соглашение.

Глава кабинета также сделала особый акцент на важности отношений с Соединенными Штатами для Германии, и отметила, что международная ситуация в целом диктует необходимость интенсификации сотрудничества, в том числе и военного, как в рамках ЕС, так и НАТО. «Одна страна совершенно очевидно не способна в одиночку гарантировать безопасность»², – подчеркнула она. 14 мая 2018 г. на встрече с руководством бундесвера А. Меркель заявила, что с учетом роста нестабильности в мире и увеличения числа кризисных регионов Германия вынуждена увеличить расходы на оборону. Запланировано, что в 2018 г. эти расходы составят 38,5 млрд евро, в 2019 г. – 41,5 млрд евро. В настоящее время эта статья расходов составляет 1,24% от ВВП Германии, к 2025 г. планируется их рост до 1,5%. А. Меркель при этом не исключила, что со временем показатель может достигнуть 2% (пока Германия занимает по данному показателю 16-е место среди стран – участниц НАТО, хотя по общей сумме национальных взносов на военные расходы Альянса она на 4-м месте после США, Великобритании и Франции).

Для германского канцлера вызов состоит не только в том, чтобы избежать непредсказуемой и ничем не ограниченной иранской внешней политики и защитить интересы германского бизнеса в этом регионе, но и в том, чтобы не дать Парижу перехватить политическое лидерство в Европе. Получается очень интересный расклад. Европа имеет шансы на успех в этом противостоянии при условии, что выступит единым фронтом. Однако, если Э. Макрон, безусловно, готов к открытой конфронтации с Бельм домом, то А. Меркель оказалась в очень сложной ситуации. В силу целого ряда причин, в том числе и исторического характера, она, как и часть германского общества, с одной стороны, не готова к противостоянию с Вашингтоном, а с другой – не заинтересована в том, чтобы Париж перехватил в ЕС «железную майку лидера». И Франция, и Германия хотели бы сохранить действующее соглашение с Ираном, однако Париж готов открыто бороться за него, в отличие от Берлина. И если глава финансового ведомства ФРГ П. Альтмайер выразил общую с федеральным канцлером позицию фразой «мы ничего не можем с этим поделать», французский президент, напротив, подчеркнул, что если Франция согласится на то, чтобы за нее решали другие, пусть даже и союзники, она «потеряет свой суверенитет». Французские политики вообще в выражениях не стеснялись. Так, министр финансов Бруно Ле Мэр 11 мая 2018 г. в своем интервью Radiosender Europe1 подчеркнул, что «европейские страны не должны вести себя как вассалы правительства Трампа», и «Европа не должна признавать США мировым экономическим полицейским».

¹ www.ec.europa.eu

² www.bundestag.de/dokumente/10.05.2018

В этом не только очевидна разница дипломатических стилей, здесь проявился ментальный разрыв второй половины XX в. – Франция оказалась в клубе победителей и никогда не отказывала себе в возможности лишней раз подчеркнуть собственное историческое величие и роль в мировой дипломатии. Иранский узел не хуже лакмусовой бумажки выявил до сих пор сохраняющуюся разницу политического менталитета обеих стран – французскую ментальность великой державы и немецкую ориентированность на союзнические действия, а точнее, своего рода трансатлантическую зависимость Германии, поскольку именно благодаря этому феномену за прошедшие десятилетия из политического карлика вырос экономический гигант и политический тяжеловес. Не будет большим преувеличением сказать, что современная Германия – это в огромной степени успех внешней политики Соединенных Штатов во второй половине XX века.

Французская дипломатия предпочла сейчас прибегнуть к политической *ad hoc* coalition для того, чтобы дать отпор односторонним ультимативным действиям Вашингтона. И здесь для официального Берлина возникает еще один крайне чувствительный момент. В спорной ситуации вокруг Ирана на стороне Соединенных Штатов выступает Израиль, который не признает и никогда не признает военное присутствие Ирана в Сирии, независимо от дальнейшего развития иранской ядерной программы. И если Берлин открыто займет противоположную позицию, это может иметь очень серьезные имиджевые издержки для кабинета А. Меркель в целом и для нее как политика в частности.

Помимо исторического груза более уязвимая позиция Германии продиктована и большими финансовыми потерями от возможного расширения американских санкций, поскольку экономика ФРГ в целом экспорториентированная, при этом те же пошлины на импорт алюминия и стали напрямую затрагивают одну из ее наиболее доходных статей – автомобилестроение. Германия сильно, гораздо в большей степени, нежели Франция, зависима от американского рынка. 11 мая 2018 г. в интервью Deutschlandradio министр экономики ФРГ П. Альтмайер заявил, что федеральное правительство не имеет «юридических возможностей для защиты немецких фирм от решений американского правительства или возможности сделать для них исключение»¹, однако предоставит таким фирмам поддержку и юридическое сопровождение. Объем германо-иранского торгового оборота при этом в 2017 г. составил 3,4 млрд долл. (против 2,9 млрд долл. в 2016 г.). Прежде всего, речь идет о технике, изделиях химической промышленности, автомобилях и их комплектующих, устройствах для обработки данных. Германия является одним из крупнейших акционеров Airbus, у которого контракт на поставку самолетов в Иран, общая стоимость которого оценивается в 8,4 млрд евро. В 2017 г. объем германского экспорта в Исламскую Республику составил 3 млрд евро.

Санкционное законодательство США не предусматривает сохранения заключенных до наступления действия санкций контрактов, таким образом, с момента вступления в силу ограничений все проекты должны быть остановлены в течение 180 дней. Для европейских компаний, чья деятельность окажется затронутой санкциями, американский рынок будет закрыт. Для герман-

ских концернов, чья продукция является экспорториентированной и которые имеют широкие бизнес-интересы в США (в 2017 г. экспорт германских товаров в США составил 111 млрд евро), выбор вполне очевиден. Иранский рынок – капля в море, гораздо важнее американский. В большей степени германская экономика будет негативно затронута ростом цен на энергоносители, спровоцированным решением Д. Трампа. У США также серьезные претензии к Германии из-за строительства газопровода «Северный поток-2»: 17 мая 2018 г. последовало заявление Белого дома, согласно которому этот проект угрожает энергетической безопасности Европы и может попасть под американские санкции.

Во Франции же предлагаемые санкции со стороны США затронут не столь значительный сектор экономики, больше всего пострадают крупные концерны типа Total или Pejo. Концерн Пежо-Ситроен контролирует около трети автомобильного рынка Ирана, нефтяная компания Total совместно с китайской CNPC заключили контракт на инвестирование около 5 млрд евро в проект по добыче газа в Персидском заливе. Общий объем французского экспорта в Иран составил в 2017 г. 1,5 млрд евро.

Что касается реакции иранских властей на выход США из ядерной сделки, то еще 20 апреля 2018 г. президент Исламской Республики Хасан Роухани во время телефонного разговора с президентом Франции Э. Макроном однозначно дал понять, что «ядерная сделка, равно как любой другой аспект, имеющий к ней отношение, не подлежит обсуждению ни в каком виде»², и Тегеран не намерен принимать во внимание никакие ограничения и обязательства, выходящие за рамки соглашения. Иран опроверг свое участие в ракетном обстреле израильских блокпостов на Голанских высотах, назвав это предположение «беспричинной клеветой», а также выразил недовольство реакцией международного сообщества на произошедшее, подчеркнув, что она лишь подталкивает Израиль к «дальнейшей агрессии, что только делает регион небезопасным и нестабильным».

6 мая 2018 г. во время выступления по национальному телевидению Х. Роухани предупредил США, что в случае своего выхода из соглашения они будут сожалеть об этом «как никогда ранее за всю свою историю». 21 мая 2018 г. власти Ирана практически озвучили ультиматум: замглавы МИД Аббас Арачки проинформировал, что у европейских гарантов соглашения есть от 45 до 60 дней для того, чтобы предоставить иранской стороне гарантии защиты ее интересов (сохранение возможности продажи иранской нефти, а также сотрудничества европейских банков с Тегераном) и того, что убытки, возникшие вследствие выхода США из соглашения, будут компенсированы европейцами. Иранский МИД пообещал в случае невыполнения своих требований принять «вынужденные решения»: очевидно, что речь идет о выходе Исламской Республики из соглашения и отказе от всех ранее взятых на себя в рамках такого обязательства. Верховный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи 4 июня 2018 г. приказал Организации по атомной энергии Ирана (ОАЭИ) экстренно возобновить обогащение урана вплоть до уровня в 190 тысяч единиц, заявив при этом, что его страна «не может находиться

¹ Schadenbegrenzungen fuer die deutsche Wirtschaft \\\ deutschlandfunk.de

² www.mobile.reuters.com

под санкциями, отказаться от своей ядерной программы и соблюдать ограничения, налагаемые соглашением»¹.

Иранский посол в ФРГ Али Маджеди недаром отметил, что «ЕС, РФ и Китай вместе не менее сильны, чем США». В отношении американских пошлин на алюминий и сталь европейцы выступили единым фронтом, и, безусловно, сейчас Иран ждет от Европы проявления подобного единства и в данном вопросе. Дабы избежать хаоса в нынешней драматической геополитической ситуации, Европа действительно может выступать только как единое целое. Э. Макрон готов на резкие шаги по отношению к Вашингтону, поскольку это дало бы возможность Франции перехватить лидерство в ведущем франко-германском тандеме в рамках ЕС, однако это идет вразрез с интересами Германии. Последняя будет продолжать и дальше трансформировать свою финансовую мощь в политическое влияние, и возвращаться к старой схеме банкира Европы страна не намерена. В формате франко-германского дуумвирата немцы не готовы поддержать жесткую линию французского президента, у нынешнего поколения немецких политиков транслатлантический код буквально в крови. Германский политический истеблишмент, выражая свое недовольство действиями Вашингтона, в массе своей ни ментально (прежде всего), ни с точки зрения финансовых аспектов не готов окончательно выйти из-под американского зонтика, поскольку европейский еще только в проекте, а самостоятельно обеспечить собственную безопасность страна не в состоянии. Последовательное осуществление программы сокращения бундсверха последней четверть века, а также его хроническое недофинансирование привели к тому, что на сегодняшний день вооруженные силы Германии не в состоянии в полной мере осуществлять оборону страны и должным образом выполнять взятые на себя международные обязательства (так, например, согласно данным Федеральной счетной палаты Германии, в 2017 г. в относительной боевой готовности находилось менее половины фрегатов, танков и лишь только каждый третий боевой вертолет).

Немецкое общество, выросшее в системе евроатлантических координат, восприняло речь Д. Трампа о выходе из соглашения как катастрофу. В Германии сложился практически единодушный общественный консенсус относительно того, что США открыли ящик Пандоры, и далее Европе придется самостоятельно заботиться о собственной безопасности. Согласно последним опросам Deutschlandtrend, США доверяют не более 25% опрошенных граждан Германии. Согласно данным опросов общественного мнения института Emnid, около 80% опрошенных немцев выступают за то, чтобы ЕС продолжал соблюдать ядерное соглашение с Ираном, противоположной точки зрения придерживаются только 8% респондентов.

Обычно, когда говорят и пишут о Западе в целом как о единой системе ценностей, прежде всего имеют в виду транслатлантическое пространство, теперь же на данном витке исторического развития на наших глазах Запад неумолимо разделяется на Соединенные Штаты и Европу. Для немцев как общества в целом эта переменная была гораздо важнее, чем для соседей. Германская нация возрождалась во второй половине XX в. как часть Запада, это была непреложная ментальная константа всей послевоенной истории Германии.

И дело не только в бэкграунде германского политического класса, причины лежат гораздо глубже. Немцам десятилетиями буквально вдалбливали важность и непреложность транслатлантической связи и кооперативной политики в целом. Между тем сам характер любой нации не меняется, и если нация на определенном этапе исторического развития оказывается в точке бифуркации, одними лозунгами заданный вектор развития изменить невозможно! Однако Германия сейчас в отличие от ситуации перед Первой и Второй мировой войнами по сути своей является принципиально другой страной и другой нацией. Произошло глубинное ментальное изменение духа германской нации в силу причин исторического, географического, политико-экономического характера. До конца Второй мировой войны Германия как государство представляла собой, по сути, Пруссия, с ее духом прусской военной аристократии, выросшей из классической немецкой философии с главным постулатом «Воля превыше всего». Сейчас та самая «Пруссия» не имеет ни экономического, ни политического веса. Западные регионы доминируют в политическом и экономическом аспектах, а они совершенно другие и в культурном, и в ментальном отношении. Для нынешней «Западной» Германии транслатлантические отношения и политическая культура мультикультурализма являются стержневыми дефинициями гражданского общества.

Решение Д. Трампа о выходе США из соглашения с Ираном парадоксальным образом разрушило существовавший миропорядок, один из возможных катастрофических сценариев развития ситуации – начало гражданской войны в Иране и вооруженная конфронтация между Ираном и Израилем на территории Сирии.

Теперь начнется формирование новой системы глобального лидерства, и для этого Европе необходимо иметь значительный вес как в отношении собственной политической и военной мощи, так и технической компетенции. В ближайшие тридцать лет во многом демографическая ситуация в Китае решит, будет ли он оставаться вторым или выйдет на главенствующую позицию в мировом масштабе. ЕС в любом случае вынужден будет начать постепенный дрейф в сторону от Америки. Вопрос сейчас для Европы в целом и для Германии как главного европейского тяжеловеса в частности стоит следующим образом: предпримут ли немцы активные действия или займут выжидательную позицию. В последнем случае ни о какой решающей роли ФРГ в современной повестке дня говорить не приходится.

¹ www.presstv.com.detail/2018/04.06/

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЗАПАДА И РФ: АРКТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Филипп Трунов,

старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН

Ключевые слова: Арктика; НАТО; Россия; военно-политическое противостояние; холодная война.

Ход Первой и особенно Второй мировых войн впервые отчетливо продемонстрировал стратегическую значимость Арктики, в том числе для развития военно-технического сотрудничества России и СССР с западными союзниками. Уже в 1930-е годы СССР первым из арктических государств приступил к созданию сети баз двойного назначения в акватории Северного Ледовитого океана (вдоль Северного морского пути). В Великую Отечественную войну впервые был приобретен опыт боевого использования межвидовых войсковых группировок (в том числе значительных масс личного состава и военной техники) в условиях Крайнего Севера.

Во время холодной войны стратегическое значение региона еще более возросло. В первую очередь, это обуславливалось тем, что через его воздушное пространство (в том числе Северный полюс) посредством МБР и тяжелых бомбардировщиков (и в меньшей степени из акватории СЛО посредством ПЛАРБ) мог быть нанесен ядерный удар по Советскому Союзу и, соответственно, с его стороны. Вместе с тем с точки зрения развертывания и возможного использования масс войск общего назначения (особенно сухопутных) Арктике уделялось значительно меньше внимание. Так, достаточно мощные группировки располагались лишь на крайних флангах арктического побережья СССР – на Колском п-ве и п-ве Чукотка – именно они могли войти в соприкосновение с силами командования «Север» НАТО в Норвегии и войсками США на Аляске. При этом степень риска прямой военной угрозы для огромного пространства между районами дислокации данных группировок Советским Союзом оценивалась как низкая. Аналогичным был подход стран – участниц Североатлантического альянса, обладавших территориями с арктическим побережьем (США, Канада, Дания, Норвегия), к защите тех из них, что не граничили с СССР. Эта особенность, с точки зрения автора, объяснялась сосредоточением (подчас чрезмерным) военно-политических усилий государств – членов НАТО и ОВД на южно- и особенно центральноевропейском ТВД – по линии непосредственного соприкосновения двух блоков, а также поддержки партнеров в «третьем мире».

В условиях процесса стратегического ухудшения отношений России и Запада с середины 2010-х годов роль Арктики как арены для противостояния, особенно военно-политического, существенно возросла, что обусловлено рядом причин. Во-первых, по сравнению с периодом 1950–1980-х годов существенно уменьшилась протяженность сухопутной и морской линий непосредственного соприкосновения стран – участниц НАТО и

России, при этом на Крайнем Севере она осталась неизменной. Во-вторых, существенно увеличились технические возможности по обеспечению постоянного (в том числе наземного) военного присутствия в регионе и использованию высококомбинированных группировок войск, способных развернуться практически в любой части региона. В-третьих, возрастает геоэкономическая (особенно логистическая) и экономическая значимость Арктики, что обусловлено огромными запасами не только углеводородов, но и биологических, в том числе акваресурсов.

Нарращивание военно-политического присутствия РФ в регионе характеризуется тремя основными тенденциями. *Первая* из них – это создание разветвленной сети автономных военных баз вдоль всего арктического побережья России (предназначенных для круглогодичного активного использования). Речь идет в первую очередь о «Северном клевере» (о. Котельный, архипелаг Новосибирские о-ва), «Арктическом трилистнике» (о. Земля Александры, архипелаг Земли Франца-Иосифа), а также баз на о. Средний (Северная земля), Новой земле, м. Шмидта и о. Врангеля¹. Цель гарнизонов этих островов вкуче с курсирующими между ними боевыми и транспортными кораблями Северного флота представляют собой силы передового развертывания, охраняющие арктическое побережье на всем его протяжении.

В данном случае относительно небольшая численность гарнизонов баз (так, на «Северном клевере» – всего 250 военнослужащих)² отнюдь не свидетельствует о недостатке сил и средств. Здесь необходимо отметить, что в условиях Крайнего Севера одна специально подготовленная к местным условиям часть (соединение) выполняет такой же объем задач (в том числе в географическом плане), как до 10–12 частей (соединений) аналогичной численности на ТВД с умеренным климатом. Так, в годы Великой Отечественной войны средняя протяженность полосы обороны одной стрелковой дивизии на Крайнем Севере составляла 73 км (!), в то время как на других фронтах – от 2 до 15 км³. Это положение актуально вдвойне в условиях серьезного сокра-

¹ Новая военная база в Арктике принята в эксплуатацию <<https://thebarensobserver.com/ru/security/2016/12/novaya-voennaya-baza-v-arktike-oficialno-prinyata-v-ekspluatatsiyu>> (Дата обращения 14.05.2018.)

² Там же.

³ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. вторая. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1974. – С. 373.

щения численности личного состава, парка вооружений и военной техники ведущих государств мира в 1990-е – середине 2010-х годов, что серьезно повысило боевую ценность каждой части (соединения).

Вторая тенденция процесса наращивания военного присутствия РФ в Арктике, тесно связанная с первой, – это увеличение количества войск, специально подготовленных для действия в регионе. Так, 200-я отдельная мотострелковая бригада переформируется в арктическое соединение (с оснащением специальной боевой техникой). Арктической де-факто является и 61-я бригада морской пехоты. В апреле 2018 г. в составе Северного флота была учреждена дивизия глубоководных войск, имеющая на вооружении атомные глубоководные станции, работающие на глубине до 6 тыс. м¹. Показательно, что для руководства этой межвидовой группировкой сил и средств было еще 15 декабря 2014 г., т.е. в разгар украинских событий, создано Объединённое стратегическое командование «Северный флот». Флотские части (в том числе морская авиация) играют решающую роль в обеспечении взаимодействия отдельных группировок наземных войск. Именно на командование данного морского объединения, самого мощного по составу боевых кораблей из флотов РФ, возложено руководство всеми видами войск в регионе, в том числе наземными. Тем самым устранена проблема подчинения сил и средств между родами войск, которая отрицательно сказалась на организации обороны крупных городов-портов (особенно Талинна, Одессы и Севастополя) на начальном этапе ВОВ².

В этой связи необходимо, однако, подчеркнуть, что действующая группировка ВС РФ в Арктике по своему составу предназначена исключительно для решения оборонительных задач по периметру и внутри всего российского сектора в СЛО.

Наконец, *третья* тенденция – это отработка возможности усиления сил на Крайнем Севере посредством переброски сюда войск с других направлений – в первую очередь, высококомбинированных частей и соединений, особенно из числа войск ВДВ РФ. Так, только в 2018 г. запланировано проведение трех совместных учений ВДВ и СФ³.

Страны – участницы НАТО в настоящий момент обладают существенно меньшими, чем у РФ, по численности арктическими войсками. Кроме того, у них отсутствует единое командование: большинство профильных подразделений (и военных баз) в США и Канаде остаются под национальным военным руководством. «Ядро» войск, предназначенных для постоянного использования на Крайнем Севере, в составе сил командования «Север» НАТО составляют норвежские подразделения (общей численностью до двух батальонных тактических групп), сосредоточенные в губернии Финнмарк. Именно на ее территории в 2015 и 2017 гг. проходили ежегодные военные учения норвежской армии «JointViking». Если в

первом случае в них приняли участие 5 тыс. военнослужащих, то в 2017 г. – уже 7,5 тыс. (или около 50% от численности всех норвежских вооруженных сил), а также порядка 700 военнослужащих вооруженных сил США и Великобритании⁴.

Представленные факты показывают, что нехватку специальных войск (и баз) в Арктике страны – участницы НАТО стремятся компенсировать отработками переброски в регион группировок войск. В этой связи особое внимание следует уделить запланированным на октябрь – ноябрь 2018 г. учениям «TridentJuncture 2018». В них примет участие межвидовая группировка в составе не менее 35 тыс. военнослужащих (на этапе подготовки учений эта цифра до показателя в 50 тыс.), а также 70 кораблей и 130 боевых самолетов наземного и морского базирования⁵. Соответственно, это означает проверку возможности использования в условиях Арктики автономной группировки корпусного (!) уровня. Предварительной фазой учений будет переброска комбинированным (авто-, железнодорожным и авиатранспортом) значительных контингентов наземных войск и военной техники. Одним из ключевых направлений тренировок будет отработка высадки десанта на неприспособленный для этого участок побережья на севере Норвегии⁶, которое по своему ландшафту напоминает Колынский п-ов. Численность задействованных боевых кораблей позволяет отработать развертывание и взаимодействие нескольких ударных групп надводных кораблей с целью сокращения возможностей выхода Северного флота в Атлантический океан в случае возникновения военно-политического кризиса в отношениях РФ и Запада, на что недвусмысленно указывает высшее военно-морское командование НАТО⁷.

Параллельно Норвегия прилагает усилия для наращивания национальной группировки войск в арктической зоне: для этого планируется закупить три фрегата для первоочередного использования в Финнмарке. В этой губернии королевства также создается рыболовецкая компания⁸, суда которой могут стать вспомогательными единицами (в первую очередь, транспортом) военноморского флота Норвегии в случае возрастания напряженности в акватории Северного Ледовитого океана.

С 2016–2017 гг. более активное участие в наращивании группировки войск, предназначенной для использования на севере Норвегии, стали принимать участие США и Великобритания. Если с 1990-х годов участие Соединенных Штатов Америки ограничивалось наличием в субрегионе складов с техникой (в том числе танков) и присутствием штабного персонала, то в условиях начала военно-политического противостояния Запада и РФ Белый дом развернул на ротационной

⁴ Joint Viking 2017 // Forsvaret. <<https://forsvaret.no/en/exercise-and-operations/exercises/joint-viking>> (Дата обращения 14.05.2018.)

⁵ Plans for massive NATO-Norway exercise underway // NATO. <<https://jfcnaples.nato.int/newsroom/news/2018/plans-for-massive-natonorway-exercise-underway>> (Дата обращения 14.05.2018.)

⁶ Ibid.

⁷ Admiral Foggo to Norway ahead of Trident Juncture // Forsvaret. <<https://forsvaret.no/ifs/admiral-foggo-to-norway-ahead-of-trident-juncture>> (Дата обращения 14.05.2018.)

⁸ Defence budget strengthened by NOK 3 billion. <<http://norwaytoday.info/news/defence-budget-strengthened-nok-3-billion/>> (Дата обращения 14.05.2018.)

¹ Глубоководные войска // Известия. <<https://iz.ru/728383/nikolai-surkov-aleksei-ramm-evgenii-dmitriev/glubokovodnyevoyiska>> (Дата обращения 14.05.2018.)

² Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1976. – С. 55–67, 94–126.

³ Десантники и моряки проведут специальные учения в Арктике // Звезда. <<https://tvzvezda.ru/news/forces/content/201802211603-yil2.htm>> (Дата обращения 14.05.2018.)

основе 330 морских пехотинцев (две роты)¹. Думается, что это является одним из шагов на пути наращивания арктических войск США. В перспективе нельзя исключать развертывания континентов профильных сил Соединённых Штатов в Гренландии и Фарерских о-вах, принадлежащих Дании.

Таким образом, в Арктике наблюдаются процессы параллельного масштабного наращивания военно-политического присутствия РФ и стран – участниц НАТО. При этом в случае с Россией это движение является более сбалансированным и опирается на исторический опыт обеспечения безопасности Крайнего Севера. Применительно к Североатлантическому альянсу про-

цесс носит скачкообразный характер. В этой связи ключевыми трудностями на современном этапе являются согласование национальных программ по укреплению обороны в арктической зоне и в еще большей степени – создание единого многонационального командования, обусловленные латентными политическими и особенно экономическими противоречиями². Кроме того, США пока не обладают значительным преимуществом над партнерами в количестве собственно арктических войск, что затрудняет принятие ими руководящей роли в деле выстраивания единой системы обороны.

¹ US Marines extend rotational training and exercises in Norway through to 2018. <<https://www.naval-technology.com/uncategorised/newsusmc-extends-rotational-training-and-exercises-in-norway-5853333/>> (Дата обращения 14.05.2018.)

² Здесь необходимо отметить обеспокоенность официального Копенгагена ростом сепаратизма в Гренландии (что отвечает интересам ряда нефтедобывающих компаний в США), нежелание Канады соглашаться на интернационализацию Северо-Западного прохода. – *Прим. авт.*

СОГЛАШЕНИЕ О ВСЕСТОРОННЕМ И РАСШИРЕННОМ ПАРТНЕРСТВЕ МЕЖДУ АРМЕНИЕЙ И ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ: ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ МОСКВЫ ИЛИ «ДРЕЙФ» ЕРЕВАНА В СТОРОНУ ЕВРО-АТЛАНТИКИ

Арсен Гукасов,

доцент Кафедры международных отношений, политологии и мировой экономики Института международных отношений Пятигорского государственного университета

Ключевые слова: геополитика; геостратегия; геоэкономика; Армения; Россия; Европейский союз; Евразийский экономический союз; Евро-Атлантика.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать внешнеполитическое поведение Армении, а именно ее попытки наладить отношения на двух принципиально важных для нее треках: «евразийском», который достаточно условно можно назвать «пророссийским», и «европейском», который также с большой долей условности можно рассматривать в качестве составной части более широкого «прозападного» трека.

Однако, прежде чем переходить непосредственно к поиску ответов на вопрос о том, каким образом условные «пророссийское» и «прозападное» направления совмещаются в рамках внешнеполитической стратегии современной Армении и, соответственно, какие геополитические и геоэкономические последствия из этого проистекают, необходимо упомянуть, что с момента образования Третьей Республики руководство армянского государства придерживается политического курса, основанного на принципах комплементарности. Суть подобной политики заключается в необходимости выстраивания отношений со всеми региональными и внерегиональными игроками, вовлеченными в политические процессы, происходящие на Южном Кавказе, а также попытке избежать ориентации на какого-либо одного, пусть даже и достаточно влиятельного, политического игрока.

Представляется, что такая линия внешнеполитического поведения напрямую связана с достаточно сложным геополитическим положением Армении, равно как и с тем комплексом проблем, который существует в рамках Южно-Кавказского региона, со всеми вытекающими из этого последствиями. При этом важно понимать, что эти принципы не являются константой и эволюционируют как в контексте развития политической ситуации внутри самой Армении, так и в контексте изменений, происходящих в международной среде. Так, в частности, речь идет о том, что на фоне ухудшения отношений между Россией и государствами Евро-Атлантики армянскому политическому истеблишменту стало намного сложнее проводить политический курс, в основе которого лежат принципы комплементарности.

Несмотря на то что целью настоящей статьи не является поиск ответа на вопрос о том, насколько успешно Ереван за эти годы придерживался основанной на вышеупомянутых принципах внешнеполитической стратегии, тем не менее членство Армении в ЕАЭС и ОДКБ и одновременно наличие Соглашения о всестороннем и расширенном партнерстве с Евросоюзом позволяют утверждать, что определенные успехи в этом контексте были достигнуты.

Предполагалось, что Армения подпишет Соглашение об ассоциации и зоне свободной торговли с Евросоюзом еще на саммите «Восточного партнерства», который проходил в Вильнюсе в 2013 г. Однако в силу причин подписания Соглашения не произошло и это ожидало привело к формированию на Западе устойчивого восприятия, заключающегося в том, что причины подобного внешнеполитического поведения Еревана напрямую связаны с давлением на него со стороны Москвы.

В данной связи следует учитывать, среди прочего, и то обстоятельство, что в основе предложенной Брюсселем итоговой формулы сотрудничества лежал принцип «или – или» (принцип «эксклюзивности»), а не предложенный изначально принцип «и – и» (принцип «инклюдивности»)¹. Такой подход как минимум противоречил вышеупомянутым принципам комплементарности, а если точнее, то их вариации в современном прочтении, и означал бы, что Армения делает стратегический выбор в пользу условного «прозападного» вектора. Соответственно, присоединение к ЕАЭС² и дальнейшее участие в будущих евразийских проектах в сложившихся условиях становилось бы практически невозможным. Несомненно, это не устраивало ни Москву, которая уже на протяжении многих лет продвигает идею евразийской интеграции, а «дрейф» Армении в сторону Евро-Атлантики отчасти ставил бы под удар

¹См., например: RA President Answers Questions Asked by Munich Security Conference Panel Participants [Электронный ресурс] // The President of the Republic of Armenia. – Режим доступа: <http://www.president.am/en/interviews-and-press-conferences/item/2018/02/17/President-Serzh-Sargsyan-answered-questions-of-participants-of-Munich-Security-Conference/>

²Тогда еще к Таможенному союзу в составе Белоруссии, Казахстана и России.

реализацию этой идеи, ни Ереван, который не мог позволить себе подобный шаг ввиду того, что это, среди прочего, нанесло бы непоправимый урон российско-армянскому стратегическому партнерству.

В этом контексте может возникнуть вопрос о том, будет ли Ереван и впредь придерживаться подобной модели внешнеполитического поведения, что напрямую связано с акциями протеста, приведшими к отставке действующего на тот момент многолетнего главы армянского государства Сержа Саргсяна. Представляется важным подчеркнуть, что построение прогнозного сценария сегодня является достаточно сложной задачей по ряду причин, одной из которых, несомненно, выступает усиление фактора непредсказуемости в международных отношениях в целом. Тем не менее при попытке дать ответ на вышепоставленный вопрос в первую очередь нужно обратить внимание на природу протестных акций, суть которых лежит исключительно во внутриполитической плоскости и связана преимущественно с ухудшением социально-экономической ситуации в стране. Таким образом, вышеупомянутые события находятся вне сферы внешней политики и их основная цель – это достижение позитивных сдвигов внутри самой Армении в первую очередь в социальном и экономическом аспектах. Также необходимо указать и на то обстоятельство, что подобные акции протеста являются частью армянской политической культуры.

В то же время, рассуждая о будущей модели внешнеполитического поведения Еревана, нельзя не обратить внимания на партийную принадлежность лидера протестного движения¹. Тем не менее важно понимать, что «обновленному» армянскому политическому истеблишменту в ближайшее время придется заняться поиском путей решения как давно существующих, так и совершенно новых проблем на внутри- и внешнеполитическом треках. Соответственно, этому истеблишменту придется также учитывать и существующие геополитические и геоэкономические реалии, в которых находится Армения. Таким образом, если «обновленное» руководство не захочет повторения сложившейся ситуации, то оно будет вынуждено проводить либеральный курс, в основе которого будут лежать исключительно национальные интересы страны. Об этом, например, уже косвенно свидетельствует заявление Никола Пашиняна о «приверженности» членству Армении в ЕАЭС и ОДКБ².

В данной связи представляется очевидным, что до тех пор, пока существует конфликт вокруг Нагорного Карабаха, границы с Турцией и Азербайджаном остаются закрытыми, а Анкара оказывает всестороннюю поддержку Баку, фактор безопасности для Еревана будет оставаться одним из основных при выборе собственной модели внешнеполитического позиционирования в мире и вступлении в те или иные геополитические / геоэкономические альянсы. В этом контексте нужно учитывать, что наличие армяно-российского военного союза и, как следствие, интенсивного военно-технического сотрудничества, а также присутствие 102-й российской военной базы в Гюмри, несомненно, служит укреплению безопасности Армении. В свою очередь, государства Евро-Атлантики пока не готовы / не

желают предложить Еревану соизмеримую альтернативу. В данном случае речь идет о НАТО, поскольку Евросоюз попросту не обладает необходимыми ресурсами для выдвижения подобных предложений.

В свою очередь, если в вопросах обеспечения безопасности Ереван с большой долей вероятности будет продолжать ориентироваться преимущественно на Москву, то это ни в коем случае не означает, что в вопросах политического и экономического сотрудничества Армения не будет заинтересована в расширении взаимодействия с государствами Евро-Атлантики в целом и Евросоюзом в частности. К тому же существуют возможные сценарии, в рамках которых «обновленный» армянский политический истеблишмент будет стремиться к еще большей диверсификации своей внешней политики и политики безопасности.

Таким образом, подписание в 2017 г. Соглашения о всестороннем и расширенном партнерстве между Арменией и Евросоюзом³ необходимо рассматривать сквозь призму вышеперечисленных обстоятельств. Более того, во многом оно стало возможным не в последнюю очередь потому, что Евросоюз вернулся к изначальной формуле выстраивания сотрудничества, в основе которой лежит принцип «инклизивности». Следует сделать оговорку о том, что подобный подход на данном этапе устраивает в том числе и Россию, поскольку не препятствует реализации ее собственных проектов, ориентированных в первую очередь на постсоветское пространство, но выходящих уже сегодня за его рамки.

Если же попытаться найти принципиальные различия между Соглашениями 2013 г. и 2017 г., то можно обнаружить, что за исключением раздела о глубокой и всеобъемлющей торговле (речь идет об отсутствии пункта о создании зоны свободной торговли), Соглашение 2017 г. во многом дублирует основные положения Соглашения 2013 г. Более того, подписанное Ереваном Соглашение также не предполагает сворачивания режима преференциальной торговли между Арменией и Евросоюзом по определенным наименованиям товаров (GSP+)⁴.

Очевидно, что на фоне роста госдолга Армении, снижения объема российских инвестиций за последние годы, оттока капитала из страны в целом, а также необходимости развития альтернативных источников энергии подписание Ереваном Соглашения с Брюсселем может способствовать преодолению этих негативных тенденций и решению насущных проблем⁵.

Анализируя причины перехода отношений Армении и ЕС на относительно новый уровень, также нужно учитывать еще два немаловажных обстоятельства, а именно: с одной стороны, Евросоюз остается для Армении крупнейшим торговым партнером, с другой – государства Евро-Атлантики представлены в рамках Минской группы ОБСЕ, деятельность которой связана

³ См.: EU-Armenia Comprehensive and Enhanced Partnership [Электронный ресурс] // European External Action Service. – Режим доступа: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu-armenia_comprehensive_and_enhanced_partnership_agreement_cepa.pdf

⁴ См., например: Открыть границы и закрыть АЭС: что подшутит Армения и ЕС – детальный разбор соглашения [Электронный ресурс] // Sputnik Армения. – Режим доступа: <https://sputnikne.ws/gVA5>

⁵ См., например: Галстян А. Москва не против: союзники России потянулись в Европу [Электронный ресурс] // Газета.Ru. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2017/11/25_a_11006240.shtml?updated

¹ Никол Пашинян является одним из лидеров партийного альянса «Елк», который, среди прочего, выступил против решения армянского руководства присоединиться к Евразийскому экономическому союзу.

² См., например: Пашинян с трибуны парламента: Армения в ЕАЭС и ОДКБ – это не каприз [Электронный ресурс] // Sputnik Армения. – Режим доступа: <https://sputnikne.ws/hx5n>

с поиском путей мирного урегулирования конфликта вокруг Нагорного Карабаха¹.

Тем не менее представляется, что, рассматривая данную проблему, необходимо учитывать тот факт, что Армения является членом Евразийского экономического союза, в рамках которого у нее есть собственные интересы и обязательства. Таким образом, если позицию Еревана, вкупе с теми конкурентными преимуществами, которые он получил от подписания Соглашения с Брюсселем, можно относительно просто объяснить, то поиск ответа на вопрос о том, какие дивиденды из этого может извлечь Евразийский экономический союз, выглядит значительно более сложным.

Очевидно, что ЕАЭС, равно как и любое другое объединение, в основе которого лежит геоэкономический фактор, заинтересован в расширении круга партнеров как из числа других организаций, так и из числа отдельных государств. Изначально ЕАЭС задумывался как некий «связующий элемент» в контексте обширного евразийского пространства, который должен был соединить Европу и Азиатско-Тихоокеанский регион и способствовать реализации идеи Большой Европы («от Лисабона до Владивостока»), как минимум в ее геоэкономическом аспекте. Однако создание и начало функционирования ЕАЭС пришлось на самый сложный период во взаимоотношениях между современной Россией и государствами Евро-Атлантики. Несомненно, о полной имплементации вышеупомянутых идей сегодня говорить не приходится, но в то же время становится очевидным, что, несмотря на все имеющиеся разногласия по ряду причин, в том числе и системного характера, на современном этапе возросла необходимость выстраивания диалога и перевода взаимоотношений в конструктивное русло.

Справедливости ради следует подчеркнуть, что даже, несмотря на сложившиеся условия, как от ЕАЭС в целом, так и от его отдельных государств-членов с самого начала исходят инициативы, направленные на установление конструктивного диалога с Евросоюзом². В частности, Россия предложила идею «интеграции интеграций», подразумевающую сопряжение двух больших «проектов»: Евразийского экономического союза и Европейского союза. Это предложение, как и ожидалось, было поддержано остальными государствами – членами ЕАЭС, поскольку они заинтересованы в сотрудничестве с Евросоюзом по широкому кругу вопросов: от научно-технологического, инвестиционного, энергетического и инфраструктурного сотрудничества до вопросов либерализации визовой политики.

Что касается Евросоюза, то он также проявляет заинтересованность в установлении отношений с ЕАЭС. Несомненно, в ЕС осознают, что наличие более упрощенного доступа к рынку ЕАЭС полностью отвечает их интересам, а в случае успешного сопряжения Евразийского экономического союза и китайского проекта Экономического пояса Шелкового пути они могут получить еще большие дивиденды. Однако Брюссель достаточно четко уязвляет установление отношений с ЕАЭС с выполнением двух условий: во-первых, все государства Евросоюза должны

быть согласны с решением о сопряжении ЕАЭС и ЕС, во-вторых, сначала в полной мере должны быть реализованы Минские договоренности³. И если первое условие выглядит вполне обоснованным и логичным, хотя и не таким простым с точки зрения его достижения в условиях современного «общеевропейского кризиса», то попытку увязать установление отношений с выполнением Минских соглашений можно рассматривать как чрезмерную «политизацию» экономических вопросов. Соответственно, говорить о возможностях начала процесса полноценного сопряжения ЕАЭС и ЕС в ближайшем будущем пока не приходится. В сложившихся условиях Евросоюз выбрал иной подход, а именно заключение двусторонних соглашений с государствами – членами Евразийского экономического союза, в основе которых лежит принцип «инклюзивности». В свою очередь, Соглашение с Арменией достаточно органично вписывается в контекст подобного подхода.

Несомненно, от сложившейся ситуации в той или иной мере проигрывают все стороны. Как минимум это не приводит к укреплению стратегической стабильности ни на «европейском», ни на «евразийском» пространствах. Однако перенос проблем, существующих в отношениях между Россией и государствами Евро-Атлантики, в область выстраивания диалога между ЕАЭС и ЕС, помимо прочего, несет в себе также имиджевые потери для Москвы. Несмотря на те дивиденды, которые государства получают от членства в ЕАЭС, они осознают в том числе и масштаб упущенных возможностей от отсутствия установленных отношений с Евросоюзом.

В этом контексте в кратко- и среднесрочной перспективе Соглашение между Арменией и Евросоюзом может открыть окно возможностей как в целом для ЕАЭС и его государств-членов, так и для поиска путей нормализации отношений между Россией и ЕС. Если оттолкнуться от экономической составляющей данного вопроса, то членство Армении в ЕАЭС, вкупе с подписанным Соглашением с Евросоюзом, а также доступом к вышеупомянутому режиму преференциальной торговли с ЕС по определенным наименованиям товаров (речь идет о GSP+), гипотетически открывает перед остальными государствами – членами ЕАЭС определенные возможности с точки зрения упрощения доступа на рынок Европейского союза. Если же сфокусироваться на политическом аспекте данной проблемы, то в столь трудный и непредсказуемый период это создает дополнительные возможности для налаживания диалога как по линии ЕАЭС – ЕС, так и между Москвой и Брюсселем, в рамках которого Ереван в первом случае может выступать в качестве своего рода «связующего моста», а во втором – своеобразной «площадкой», извлекая из этого, несомненно, собственные политические дивиденды.

Тем не менее для того, чтобы вышеупомянутое окно возможностей было использовано, необходимо, чтобы все вовлеченные в этот процесс стороны продемонстрировали, во-первых, желание, во-вторых, политическую волю. Следует подчеркнуть, что подобный формат налаживания диалога, даже в случае достижения определенных успехов на пути его реализации, не решит всех проблем, существующих сегодня, однако, он может стать неплохим началом для установления отношений по линии ЕАЭС – ЕС и нормализации отношений между Москвой и Брюсселем.

¹ См.: OSCE Minsk Group [Электронный ресурс] // OSCE: Organization for Security and Co-operation in Europe. – Режим доступа: <https://www.osce.org/mg>

² См., например: Диалог ЕАЭС – ЕС: единое экономическое пространство от Лисабона до Владивостока глазами европейского бизнеса [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/19_02_18_aspx

³ См., например: EU Cooperation With EEU Tied to Implementation of Minsk Accord [Электронный ресурс] // Sputnik International. – Режим доступа: <https://sptnkne.ws/gWaC>

Бюллетень публикуется Отделом проблем европейской безопасности Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН с целью способствовать развитию конструктивного диалога по проблемам безопасности в Евро-Атлантическом регионе. Мнения авторов, высказанные на страницах бюллетеня, отражают их личную точку зрения и не обязательно совпадают с позицией ИНИОН РАН.

Редакционный совет:

Академик В.Г. Барановский

Генерал-майор в отставке В.З. Дворкин

Д-р полит. наук Д.В. Ефременко

Д-р полит. наук А.И. Никитин

Канд. истор. наук А.В. Загорский

Главный редактор – канд. истор. наук Т.Г. Пархалина

Ответственный секретарь – Т.В. Арзаманова

www адрес:

http://www.inion.ru/index.php?page_id=487

всего выпусков: 63 (на конец 2017)

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-2172